

Экзистенциализм, инопланетяне и феноменология: философские линии в романе К. Уилсона «Паразиты сознания»

Сергей Луковенков, выпускник, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), lukovenkovsergei@yahoo.com

В статье проводится комплексный анализ романа Колина Уилсона «Паразиты сознания» через призму экзистенциальной философии и концепции Нового экзистенциализма. Рассматриваются ключевые философские стороны романа: метафорическое представление паразитов сознания в качестве ограничителей человеческого потенциала и роль феноменологического метода в преодолении эволюционных ограничений, укрепляемых современным культурным кодом и ценностями в контексте главного экзистенциальной задачи – вопроса смысла существования. Произведение предстает как новеллизация философских идей Уилсона, в которой пристальное внимание уделяется таким аспектам Нового экзистенциализма, как эволюционная теория, пиковой психология Маслоу и феноменология метод. Роман «Паразиты сознания» рассматривается не только как полемическое высказывание, но и примечательный образец межжанрового сплетения двух видов письма – философского и художественного.

Ключевые слова: экзистенциализм, феноменология, Колин Уилсон, эволюция, витализм, Новый экзистенциализм

Для цитирования: Луковенков С.Г. Экзистенциализм, инопланетяне и феноменология: философские линии в романе К. Уилсона «Паразиты сознания» // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 67-77.

Дата поступления: 25.01.2025.

Разворот к витальному экзистенциализму

Британский писатель-экзистенциалист Колин Уилсон (Colin Henry Wilson) – интересная фигура на полях истории экзистенциализма. И несмотря на то, что писатель подчеркивал эклектичность философских воззрений, его отношение к «классическому» экзистенциализму – линии Кьеркегора, Хайдеггера, Камю и Сартра – одна из центральных линий во многих работах Уилсона. Отправная точка или центральная тема. Часто под видом критики, но критики реформаторской – реанимирующей.

В течении всей своей карьеры Уилсон стал автором более сотни произведений разной направленности – от научно-фантастических и детективных романов и философских сочинений до исследований оккультных практик и true-crime. Во многих работах, через прямые отсылки и имплицитные смысловые структуры, с легкостью обнаруживаются концептуальные интенции, уникальная подпись на поставляемых смыслах.

К числу таковых можно отнести следующие:

- Деконструкцию пессимистического дискурса, в том числе в его популярных проявлениях;
- Экзистенциально-эволюционный витализм;
- Метаморфозу абсурдности и контингентности в этический императив;
- Осмысление нарративного творчества как экстатической практики.

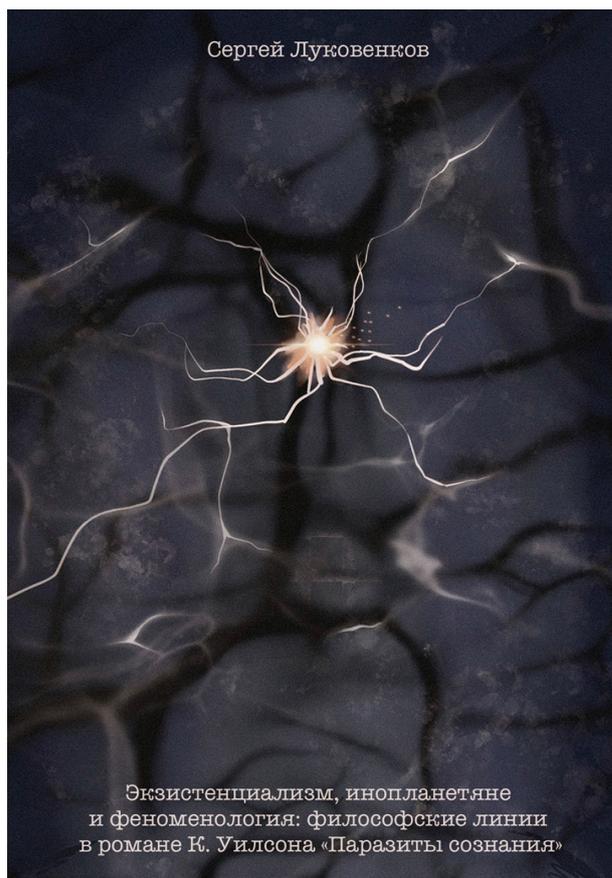
Важно отметить, что экзистенциализм для Уилсона – не столько «философия» в классическом смысле, сколько форма восприятия и отношения с живым, хоть и безразличным миром. Так, в своей наиболее известной работе, которая стала его визитной карточкой – «Посторонний» (*The Outsider*, 1956), – размышляя о том, как мыслит себя аутсайдер, Уилсон пишет: «Аутсайдер склонен выражать себя через экзистенциалистские смыслы. Он не слишком озабочен различиями тела и души, человека и природы: подобные вопросы порождают богословское мышление и философию – он отрицает и то, и другое. Единственное различие, имеющее для него значение, – дихотомия между бытием и ничто»¹. Проблемы смысла, его потери (или сдавленности) определяли способ философствования Уилсона, который наиболее ярко проявлялся в разрушении порядка ценностей между «высоким» и «низким»: на одной странице топливом мышления будет медитация над идеями Мерло-Понти, на другой – НЛЮ.

В центре внимания настоящей статьи еще одна грань философствования: через литературу. Конкретно же, на примере романа «Паразиты сознания» (*The Mind Parasites*, 1967). Произведение написано в жанре лавкрафтианского хоррора в формате академического макьюментари: роман подается как один из текстов специального кембриджского цикла под названием «История ядерной эпохи». И в псевдо-редакторском предисловии, помимо прочего, читателю сообщается одна примечательная диегетическая деталь: в данном переработанном издании включен фрагмент одного из сочинений двух ключевых персонажей романа – «Посвящение Эдмунду Гуссерлю» (*Homage to Edmund Husserl*)².

«Паразиты сознания» – в полном смысле новеллизация воззрений Уилсона. И до той степени, что при последующем (или обратном) чтении

¹ *Wilson C. The Outsider. A Delta Book, New York, 1953. P. 27.*

² *Уилсон К. Паразиты мозга. М.: Радуга, 1986. С. 10.*

Автор рисунка – Анастасия Сухарева³

его философских работ и эссе может возникнуть сильное чувство *déjà vu*. И это, конечно, далеко не случайность. Впрочем, доля случайности в создании романа существенна и стоит упоминания. Сам роман был написан в результате пари между Уилсоном и его другом, первым издателем Лавкрафта и самостоятельным автором Августом Дерлетом. Последний был не в восторге от резких выпадов британского автора по отношению к личности и навыкам Лавкрафта в посвященной воображению работе «Воля к воображению» (*The Strength to Dream*).

Так или иначе, Уилсон принял вызов написать научно-фантастический роман и сделал это не только с явными отсылками к творчеству американского мэтра

в жанре космического ужаса, но и перевернув мировоззренческий фундамент и его выводы. Ключевые идеи или образы «лавкрафтианского» сторителлинга не нуждаются в представлении. В частности, определение места и положения человеческой расы во Вселенной: незначительность самого человека и всяких достижений цивилизации, инстинктивный страх неизвестного, выраженный в выборе «мертвецкого света познания» или «спасения в новом средневековье»⁴.

Более всего Уилсону претил глубокий пессимизм, страх перед реальностью и жизнью («партизанская война против материализма»⁵), подобие стремления к «обратному» или неподвижному времени. И если человек в

³ Автор статьи обращается к литературному произведению, в котором рассказывается о паразитах, сущности, что питается энергией сознания. Предмет рассуждений автора статьи – борьба за свободу и ясность сознания и преодоление «паразитических» ограничений – отражены в иллюстрации в виде схематичного изображения нейронных связей головного мозга человека; часть из них черные и расплывчатые, подверженные влиянию паразитов, другая часть – яркая и отчетливая, символизирующая «прорыв», экзистенциальное просветление и манифест к освобождению от паразитов.

⁴ Лавкрафт Г. Зов Ктулху // Зов Ктулху. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. С. 149.

⁵ Wilson C. *The Strength to Dream. Literature and Imagination*. Westport, CT: Greenwood Press, 1973. P. 1.

мире Лавкрафта благословлен невежеством или должен быть счастлив незнанием «реального» положения дел, то в пространстве Уилсона это – «духовная» болезнь и патовая ситуация. Несмотря на то, что английский писатель разделял представление о текущем состоянии человека, выраженное в открывающем пассаже Лавкрафта из повести «Зов Ктулху», обращаясь к аллегории человека в лодке, который в силу плотности тумана ничего не видит вокруг, выводы отличны: этот «туман» необходимо развеять, дабы прорваться к подлинности. В этом – весь пафос, цель и мечта, заложенные в основание воззрений Уилсона, сходные по духу, несмотря на все возможные различия, с космологическим оптимизмом де Шардена, в котором путь прокладывается в борьбе и разрыве, что ярко указано в словах, которые могли бы встретиться на страницах романа Колина Уилсона: «Невозможно достигнуть фундаментально новой среды, не проходя внутренние муки метаморфозы»⁶.

Выше было отмечено, что роман «Паразиты сознания», в сущности, является презентацией авторских философских воззрений – каких именно? Так, Уилсон занимался разработкой направления мысли, получившей говорящее название «Новый экзистенциализм» (New existentialism). Данное направление, вопреки первым возможным ассоциациям, не является отрицанием, разрывом или иной формой преодоления экзистенциализма «старого», но проектом разворота для выхода из смыслового тупика, связанного с нигилистической диспозицией как философского, так и популярного экзистенциализма. Тупик экзистенциализма заключается в отходе от имманентного эволюционного императива. Дело в том, что экзистенциализм, по Уилсону, – это феномен, возникший как реакция на смысловой вакуум, возникший в результате упада значения религиозности как формы достоверности, как дискурса о смысле (так, например, Уилсон отмечал, что для Декарта или Ньютона вопросы смысла и его потери не были настолько остры, как остры они, например, для человека современного и условного героя сартровской «Тошноты» или Фауста Гете). Тем самым, экзистенциализм – это не только гуманизм, но и романтизм, в рамках которого, при встрече с бездной смысла, на первый план выводятся идеи витальности, эволюционизма, вызова миру. Потому линия Кьеркегор-Хайдеггер-Сартр-Камю и является тупиковой, поскольку, несмотря на все глубокие инсайты, она не способна или не желает стать точкой опоры.

Реанимационный ревизионизм экзистенциализма – это часть общей тенденции в работах Уилсона по деструкции культурно-эпистемологических ориентиров, настраивающих сознание на пессимистическое и пораженческое отношение к миру, производя атмосферу скуки, безразличия,

⁶ Де Шарден, П. Тейяр. Феномен человека. М.: «Наука», 1987. С. 181.

затерянности в пространстве, герой-архетип которой – коллективный Антуан Рокантен.

Философская мысль в стиле sci-fi

Сюжет «Паразитов сознания» и посвящен апологии витальности, как процессу раскрытия эволюционного потенциала человека: дерзновение смотреть «вне», как противоположность лавкрафтианскому лейтмотиву космологического или хронологического эскапизма⁷. Вкратце, канва романа такова: археолог Гилберт Остин наследует неопубликованные работы давнего друга (который покончил жизнь самоубийством) – специалиста в области поведенческой психологии и исследующего, в том числе, проблемы роста самоубийств в индустриальном обществе. В силу профессиональных причин (которые, как позже оказывается, были частью спланированного «отвлечения») Остин откладывал знакомство с записями, занимаясь раскопками неизвестной ранее культуры. Тем не менее, сперва пережив нечто подобное пиковому переживанию, профессор берется за чтение размышлений об истории своего друга. В процессе Остин сталкивается с пугающей правдой, что человечество не только не одиноко во вселенной, но более – давным-давно уже вошло в контакт с инопланетной жизнью (пусть и односторонний) – с расой космических паразитов: «они» – нематериальная коллективная сущность, которая питается энергией сознания. Присутствуя на планете с глубокой древности, особенно активны они стали в последние две сотни лет (события происходят на рубеже XX-XXI веков).

Несмотря на то, что о природе этих паразитов (называемых «Тсатуганцами», являясь частью оммажа лавкрафтианскому сеттингу) известно мало, очевидно одно: их цель состоит в заглушении эволюционного порыва. Именно поэтому одно из первых их определений – «ментальный рак». Не имея возможностей и необходимости непосредственно физически оказывать воздействие на людей, паразиты используют техники «мягкого» подавления, цель которых – не дать человеку раскрыть потенциал сознания; не дать отвести взгляд от макрокосма к микрокосму собственного сознания. Достигают этого они путем воздействия на ментальность отдельных людей, а уже через них – на целые культуры.

По персоналиям, которых «обрабатывали» паразиты, можно сделать выводы о симпатиях автора. Например, Ницше – один из числа гениев, доведенных до помешательства паразитами, но вот Шопенгауэр или де Сад – это одни из тех, кто названы в мире романа как «зомби»: прямые или опо-

⁷ Очень кстати в послесловии к отечественному изданию романа 1986 г. В.В. Ивашева цитирует фрагмент из личного письма к ней Уилсона: «Я убежденный оптимист. И мне даже кажется, что подобных мне оптимистов нет среди современных западных интеллектуалов»: *Ивашева, В.В.* Послесловие. По дорогам познания и веры в человека // *Уилсон, Колин.* Паразиты мозга. – на англ. яз. – М.: Радуга, 1986. С. 275.

средованные агенты паразитов. Они, «зомби», – подавители человеческой воли и анти-виталисты. И, конечно же, роман не был бы до конца критическим, если бы «зомби» могли быть только отдельные, пусть влиятельные, люди, так что целые направления мысли оказываются продуктом активности пришельцев: например, последняя сюжетная попытка космических паразитов сохранить власть над человеческом – развязка третьей мировой ядерной войны.

Витальный гений, напротив, – главный враг паразитов, поскольку реализацией творческой свободы он придает импульс движения, развития. Они раскрывают потенциал, заложенный в человеке, и из-за этого привлекают особое внимание паразитов. При работе с обычными людьми, которые не представляют прямой угрозы через раскрытие, используются «фоновые» ментальные программы или «стены», как называл их Уилсон, благодаря которым паразиты препятствуют погружению в глубины сознания, на которых человек мог бы обнаружить чье-то чужеродное присутствие. Раскрытие в качестве направления метаморфозы, в том числе выходя за пределы романа, – персональный и, затем, социальный императив: «Угнетенный человек, – психологически и физически, – свободы не имеет. Получить ее можно только посредством объективизации угнетения как формы зла. И в момент выражения такого «зла» достигается определенная степень свободы»⁸.

Практически все «стены» профессору Остину пришлось пережить на себе, как плату за погружение в глубину сознания, пробиваясь через паразитов, которые ставили ловушки на пути: инертность, вязкость мышления, усталость, сплин, прокрастинацию, депрессию, тревогу, ощущение никчемности, а также более «позитивные» ловушки, как увлеченность чем-либо до крайней степени, когда внимание к себе уходит на задний план, реальность замещается занятостью и увязанием во внешнем. Иначе, все то, что «нападает» на человека, оставшегося наедине с собой, пытающегося выйти и разорвать с *Das Mann*, очутившись во «вне» – за «стенами» и туманом «скуки».

Таким образом, паразиты сознания, пусть и не как инопланетная форма жизни, реальны. Так, связь паразитов сознания и деструктивного, анти-виталистского мировоззрения – ключевой программный аспект всего романа: паразиты – это чуждое, вредное и все то, что должно быть преодолено, но при этом настолько плотно вшито в современную цивилизационную жизнь, что преодоление этих «стен» часто оказывается тяжелым, изнурительным ментально-психическим и физическим процессом. В тоже время, распространенный нигилизм во многих его проявлениях не только не способствует выходу за «стены», но и предлагает комфортное укоренение в ошибочном мировосприятии. Во всяком случае, как изначально ошибочное

⁸ *Wilson C. The Strength to Dream. Literature and Imagination. Westport, CT: Greenwood Press, 1973. – pp. 155-156.*

мировоззрение или состояние сознания его определил Уилсон, написав, что «современный нигилизм, – философский или его модная литературная вариация, – существует только при игнорировании собственных исходных противоречий»⁹. Предлагаемая альтернатива – обновленное, верное эволюционно-экзистенциальное состояние сознания.

Новый экзистенциализм (во всяком случае, как он открылся при чтении автору настоящей статьи) сложен из сплетения четырех компонент: эволюционизма, экзистенциализма, «пиковой» психологии и феноменологии. И последнее, ни много ни мало, претендует на роль главного метода познания и исследования сознания, его структур и потенциала. Именно по этой причине феноменологии отводится ключевая роль в структурировании «нового» экзистенциализма.

Насколько глубоко и обстоятельно Уилсон воспринял идеи Гуссерля (и нужно ли было подобное восприятие в контексте целей и особенностей его работы) – интересный отдельный вопрос¹⁰. Как минимум, интерес имеет придаваемая методу ценность и революционность. Почтение будет замечено всяким, кто возьмется за чтение «Паразитов сознания», даже никогда не слышав ни про феноменологии, ни про Гуссерля.

Как было отмечено, чтобы себя не раскрыть, пришельцы выстраивают блокаду на глубинных структурах сознания человека. Значит, персонажам необходим способ выявления врага и борьбы с ним. Феноменологический метод как раз стал для Остина, основного героя романа, инструментом прорыва паразитической блокады. Интроспекция позволила Остину и его группе не только обнаружить вредоносное присутствие, но и раскрыть психический потенциал (например, телекинез). Таким образом, реализуется нарративная связка эволюционного перехода персонажей и тематики кристаллизации свободы, как постепенного выражения (осознания) угнетающего «зла».

Также интересно отметить, дополнив тем самым образ придаваемой ценности, что, согласно опыту героя романа, эффекты от практики феноменологического метода схожи с действием психоактивных веществ на человека. Это не просто юмористический сюжетный элемент, но направляющая ремарка – указание возможности феноменологического метода быть не просто каким-то приемом академического отвлеченного толка, но последовательным действием и даже отношением ко внешнему миру через отношение к себе. Казалось бы, и причем здесь стимуляция сознания? Некоторый вид *reductio ad absurdum*.

Как было отмечено, одной из компонент Нового экзистенциализма выступают наработки Маслоу (влияние которого на Уилсона было велико

⁹ *Wilson C.* The New Existentialism. London: Wildwood House Limited, 1980. P. 162.

¹⁰ Подробнее об этом см. обстоятельное исследование: *Tassone B.* Existentialism and Ecstasy: Colin Wilson's Phenomenological Account of Peak Experiences. *PhaenEx*. Vol. 13, no. 1. P. 46-85. 2019.

как в интеллектуальном отношении, так и в личном¹¹). В частности, вопросы пиковых состояний и самоактуализации. Как в различных работах, так и в романе, Уилсон отсылает к опытам измененного сознания на примерах Хаксли, Домая, Рембо. С одной стороны, Уилсон демонстрировал этим, что сознание – не одномерное отражающее действительность зеркало, а наоборот, – многогранно, не бывает нейтральным, активно взаимодействует с окружающей реальностью. Помимо прочего, данная стимуляция показывает неконтингентность пикового опыта: потенциал самоактуализации находится в структурах сознания – психике. Однако, согласно Маслоу, пиковый опыт – это не форма измененного сознания, с чем Уилсон полностью согласен: несмотря на то, что в названном состоянии возможны инсайты, которыми проявляется самоактуализация (радость, осмысленность), подобные опыты бесполезны в силу своей хаотичности. Иначе говоря, – ложный путь. Так, например, Уилсон писал, что французский поэт верно понимал значение правильного восприятия сознания, однако, «к сожалению, Рембо не знал, с чего начать, и тратил время на эксперименты с наркотиками и алкоголем, пока его озарение окончательно не угасло».¹² В отличие от подобных экспериментов, принятый на вооружение метод феноменологии, – это именно научный, последовательный и лишенный разрушительной случайности инструмент познания, дающий последовательно изучать сознание, его структуры и то, как его интенциональность определяет способ восприятия и взаимодействия с миром.

Роман «Паразиты сознания» заканчивается победой человека над паразитами при помощи группы психически развитых интеллектуалов. Паразиты изгнаны за пределы Солнечной системы и, казалось бы, ничто не сдерживает человека от перехода на следующий этап его эволюции, как это было сделано Остином и его последователями. Тем не менее, герои решают сойти с помоста истории, совершив добровольный исход, не вмешиваясь в дальнейшие дела.

Вопрос: почему?

Движение вперед, эволюция и «призраки»

Путь к свободе прокладывается через личную активность в противостоянии «паразитам», – иногда коллективное, но не общественное действие. И победа над паразитами, какой бы театрально грандиозной она ни была, – лишь первая ступень (можно сказать, эпохэ в научно-фантастической оболочке), которая закладывает основу развития и реализации эволю-

¹¹ См. посвящение, благодарности в работе Уилсона «Новые пути в психологии: Маслоу и пост-фрейдистская революция»: *Wilson C. New Pathways in Psychology. Maslow and the Post-Freudian Revolution. A Mentor Book (New American Library), 1974.*

¹² *Wilson C. The New Existentialism. London: Wildwood House Limited, 1980. P. 54.*

ционного аппетита. Тем не менее, возможность еще не подразумевает актуализации сама по себе. Необходима верная настройка сознания, инструментарий включения его в отношения с миром. На примере романа как раз демонстрируется модель (интенционального) взаимодействия с окружающим миром; экзистенциальная установка сознания.

Так, Уилсон вводит, раскрывая *в том числе* через «Паразитов сознания», героя Нового экзистенциализма – аутсайдера (кажется, лучше использовать именно это слово, так как вариация перевода «посторонний» имеет, кажется, слишком пассивную коннотацию). «Аутсайдер» – тот, кто переживает неудовлетворенность, разрыв с окружающим смысловым полем, выраженные недовольством идеалами, целями и ориентирами (или их извернутым видом), но недовольство аутайдера – не замыкание, не меланхолия во взгляде на мир или эскапизм, а витальный рывок – борьба с паразитами сознания (внешними и внутренними). Таким образом, аутсайдер – это не отщепенец, не маргинал и не декадент, порывающий с социальными нормами. Скорее, он – в полном смысле виталист, отношение с миром которого формируется не за счет данных откуда-то из внешнего источника смыслов (данные смыслы неустойчивы сами по себе, потому что не имеют фундаментальной основы), но обнаруживает их в самом человеке – в его стремлении, даже в жажде развития. Именно поэтому оказываются важны представления о пиковых состояниях и феноменология на пути формулирования Нового экзистенциализма: вопрос смысла раскрывается и закрывается через указание на то, что человеческая природа, оказывается, на практике может быть источником смысла, тем самым давая ответ на основной философский вопрос современности, а вся нарративная составляющая романа, т.е. процессы борьбы с «паразитами», – это рассказ о пути человека из тупика «духовной» пустоты.

Кажется, что «Паразиты сознания», и будто в целом художественное наследие Уилсона, сегодня не пользуется популярностью, а его философские воззрения, сколь было возможно оценить, не слишком были восприняты академическим миром. Тем не менее, разбираемый роман – это любопытная иллюстрация, как могут сочетаться два жанровых направления – художественное и философское письмо, создавая уникальные сочетания.

В качестве альтернативы заключению, акцентируя значение жанровой связи и философствования популярными формами (художественная литература, кино, музыка, видеоигровые нарративы), послужит фрагмент из сочинения «Новый экзистенциализм», который, помимо прочего, очень похож на логлайн романа «Паразиты сознания»:

Дабы выразить обозначенную проблему [отчужденность от источника силы и узости сознания] языком научной фантастики, представим, что существует некая таинственная сила, желающая сдерживать людей, не позволяя в полной мере использовать свои силы. Словно бы человек

содержал в себе невидимого паразита, задача которого – держать человека в неведении о его свободе. Блейк назвал подобного паразита «призраком»¹³. И в определенные моменты прилива жизненной энергии и озарения призрак ослабляет хватку, и человек внезапно осознает, что был бы способен сделать со своей жизнью и со своей свободой. <...> В последние несколько столетий прогресс его был феноменальным. <...> Но именно сейчас, в этот момент истории, призрак, кажется, предпринимает новую попытку победить нас. <...> Однако, с другой стороны, если бы человек полностью осознал врага, направил бы всего свое внимание на него, проблема была бы решена. Человек преодолел бы “отчужденность от источника силы, смысла и цели” и тогда наступила бы новая ступень эволюции, ступень истинно человеческую, или сверхчеловеческую, как называл ее Ницше¹⁴.

Литература

- Ивашева В.В.* Послесловие. По дорогам познания и веры в человека // Уилсон, Колин. Паразиты мозга. М.: Радуга, 1986.
- Лавкрафт Г.* Зов Ктулху // Зов Ктулху. М.: АСТ, 2007.
- Уилсон К.* Паразиты мозга. М.: Радуга, 1986.
- Де Шарден, П. Тейяр.* Феномен человека. М.: Наука, 1987.
- Tassone B.* Existentialism and Ecstasy: Colin Wilson’s Phenomenological Account of Peak Experiences. *PhaenEx*. 2019. Vol. 13. N. 1. P. 46-85.
- Wilson C.* New Pathways in Psychology. Maslow and the Post-Freudian Revolution. A Mentor Book (New American Library), 1974.
- Wilson C.* Poetry and Mysticism. Hutchinson of London, London, 1970.
- Wilson C.* The New Existentialism. London: Wildwood House Limited, 1980.
- Wilson C.* The Outsider. New York: A Delta Book, 1953.
- Wilson C.* The Strength to Dream. Literature and Imagination. Westport, CT: Greenwood Press, 1973.

References

Ivasheva V.V. Posleslovie. Po dorogam poznaniya i very cheloveka [Afterword. On the Roads of Knowledge and Faith in Man], in Wilson C. *Parazity Mozga* [Brain parasites]. Moscow: Raduga Publ., 1986 (in Russian).

¹³ Интересно отметить, дополняя концептуальную значимость «призрака», что Уилсон также обращается к данному образу Блейка в работе «Поэзия и мистицизм» (Poetry and Mysticism) в контексте обсуждения темы стагнации, застоя, увязания в чем-то слишком привычном: «Причина того, почему немногие гении остаются в своих родных городах в том, что они знают их слишком хорошо». См.: *Wilson C.* Poetry and Mysticism. Hutchinson of London, London, 1970. P. 84.

¹⁴ *Wilson C.* The New Existentialism. London: Wildwood House Limited, 1980. pp. 161-162.

Lovecraft H. *Zov Ktulhu* [The Call of Cthulhu], in Lovecraft H. *Zov Ktulhu* [The Call of Cthulhu]. Moscow: AST Publ., 2007 (in Russian).

Wilson C. *Parazity Mozga* [Brain parasites]. Moscow: Raduga Publ., 1986 (in Russian).

De Chardin, Pierre Teilhard. *Fenomen Cheloveka* [Le Phénomène humain]. Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).

Tassone B. Existentialism and Ecstasy: Colin Wilson's Phenomenological Account of Peak Experiences. *PhaenEx*. 2019. Vol. 13. N. 1. P. 46-85.

Wilson C. *New Pathways in Psychology. Maslow and the Post-Freudian Revolution*. A Mentor Book (New American Library), 1974.

Wilson C. *Poetry and Mysticism*. Hutchinson of London, London, 1970.

Wilson C. *The New Existentialism*. London: Wildwood House Limited, 1980.

Wilson C. *The Outsider*. New York: A Delta Book, 1953.

Wilson C. *The Strength to Dream. Literature and Imagination*. Westport, CT: Greenwood Press, 1973.

Existentialism, Aliens, and Phenomenology: Philosophical Elements in C. Wilson's "The Mind Parasites"

Sergei Lukovenkov, graduate, Russian State University for the Humanities (Moscow), lukovenkovsergei@yahoo.com

The article provides a comprehensive analysis of Colin Wilson's novel "The Mind Parasites" through the lens of existentialist philosophy and the concept of the New Existentialism. The key philosophical aspects of the novel are examined, such as: the metaphorical representation of the mind parasites as limiters of human potential and the role of the phenomenological method in overcoming evolutionary constraints reinforced by the modern cultural code and values, all within the context of the central existentialism's task – the question of the meaning of human existence. The piece emerges as a novelization of Wilson's philosophical ideas, with particular attention paid to such aspects of the New Existentialism as evolutionary theory, Maslow's peak psychology, and the phenomenological method. The novel is considered not only as a polemical statement but also as a remarkable example of the interweaving of two genres – philosophical and literary writing.

Keywords: existentialism, phenomenology, Colin Wilson, evolution, vitalism, New existentialism

For citation: Lukovenkov S.G. (2025) Existentialism, Aliens, and Phenomenology: Philosophical Elements in C. Wilson's "The Mind Parasites" // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 3. P. 67-77.

Date of receipt: 25.01.2025.